

Лев Дуров был удивлен:

— Какая сила движет человеком? Как искусство воспитывает людей? — повторил он мои вопросы. — Неужели Вы думаете, я все это знаю?

— Я думаю, что Вы об этом размышляете...

— Иногда даже спорю с друзьями.

— У Вас их много?

— Друзей много не бывает. Я уверен: дружба — это тяжелая работа. Ты должен быть готовым к телефонному звонку в три часа ночи, должен помогать, заботиться, брать на себя многочисленные обязательства...

— За что Вы любите своих друзей?

— Во-первых, за то, что, несмотря на все мои минусы и недостатки, они остались со мной, «выдержали» меня. Я понимаю, как им было нелегко.

взгляд, красота, красивый человек?

— Только не супермен. Супермен — внешнее. Духовного супермена быть не может, где есть духовность, нет суперменства.

Недавно на съемках фильма «Не бойся, я с тобой» я встретился с истинно красивым человеком, актером Мухтарбеком Кантемировым. Это мужчина огромной физической силы, красавец с фигурой Аполлона. Он без промаха вонзает в дерево ножи и топоры. Мухтарбек постоянно читает, он образован и мудр. Глядя на него, я подумал: в красивом человеке сочетается мужчина и ребенок — он наивен, как ребенок, силен и мудр, как мужчина.

Еще в школе меня возмущало определение «маленький человек». Есть в нем что-то противоестественное. Я уже

ная интерпретация восприятия подлинника, истинному пониманию великих произведений?

— Часто можно услышать: «То, что я увидел на сцене, это не Гоголь!» Или — это не Чехов! Когда слышу такое, всегда спрашиваю: «А кому из вас Гоголь или Чехов оставил духовное завещание? Кто знает, каков истинный Чехов, истинный Гоголь?»

Есть такой экспериментальный спектакль «Сон в летнюю ночь» Шекспира, где актеры раскашляются на трапезии и читают великие монологи. Говорят — это не Шекспир. Почему? Шекспир сам был актер, и, как мне представляется, человек не скучный.

В одной только Москве сегодня идут «Три сестры» Волчек, Эфроса, Любимова... Но как разобраться в том, что ближе тебе, что для тебя — именно для тебя, а не вообще — больше отражает суть Чехова? Для меня бесспорно одно: не существует общего для всех Чехова, одного для всех Достоевского или Шекспира.

— По-моему, самое время спросить: ради чего Вы сами работаете, какая сила движет Вами?

— Мы слишком любим говорить о возвышенном. Вот, скажем, живет парень, движимый земным желанием поступить в институт. Читает книги, много занимается, ночами засыпает над учебниками. К чему искать в его поведении еще какие-то «возвышенные движители жизни»?

Но, думаю, тем не менее, что на определенном этапе, когда человек взрослеет, мужает, главным для него становится чувство долга.

— А как было у Вас, в Вашей судьбе? Осознанное желание сделать себя? Или — случайность?

— Театр отнюдь не был глубокой мечтой моего детства, и мальчишкой я не видел себя на сцене — у меня были иные заботы и проблемы. Я был из тех, кого называют сейчас «трудными» подростками.

В драматический кружок при Дворце пионеров я попал случайно. Дрался на улице и краем глаза увидел, что за мной наблюдает какой-то человек. Когда драка кончилась, человек подошел ко мне и предложил: «Не лучше ли пойти во Дворец пионеров?»

— Интересно: а что Вы, тогда дворцовый мальчишка, читали на вступительных экзаменах?

— Чехова. Я не знаю в литературе более сурового, более жесткого и, если хотите, жестокого писателя, чем Чехов, более трагического рассказа, чем «Ванька Жуков». Ведь почти все писатели, какими бы черными красками ни изображали жизнь персонажа, все-таки оставляли просвет, белое пятно, выход... Здесь же выхода нет.

Мне, послевоенному подростку, именно жесткий Чехов с его обостренным восприятием боли и несправедливости оказался ближе всего.

— Вопрос последний, отчасти риторический: счастливы ли Вы?

— В своей жизни я встретил одного абсолютно счастливого человека — было это прошлым летом. Он постоянно смеялся, улыбка не сходила с его губ, что бы он ни делал — он хохотал. Когда этот человек приходил на пляж — пляж замирал, настолько всем было неловко. Он был всем дозволен, счастлив и при этом очень неприятен.

Казалось бы, самое великое, самое возвышенное, самое счастливое чувство на земле — любовь. А сколько людей она сделала несчастными?

Отвечу так: человек становится красивым в поисках счастья, но никак не тогда, когда он вдруг почему-то понимает: «Я счастлив». Счастье в поиске.

Беседу вел
А. МАКСИМОВ.

Фото В. ВАЖЕНОВА.

Лев Дуров: ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН БЫТЬ КРАСИВЫМ

Но самое главное: в своих друзьях я уверен. Помню, много лет назад, когда мы были молоды и деньги редко водились в наших карманах, мне по трагическим обстоятельствам срочно понадобилось уехать в другой город. За помощью я обратился к друзьям. Они принесли деньги. Через много лет я узнал, что один из них продал часы, другой — пиджак, третий — что-то еще... Иные утверждают: сегодня преобладает тенденция к разобщенности. А она неминуемо порождает равнодушие, равнодушные же порождает трусость. Я люблю своих друзей за то, что они не трусы. Бывают ситуации, когда ты, еще недавно окруженный толпой приятелей, остаешься один. Идешь, к примеру, по улице, вокруг тебя много народа, вдруг навстречу — компания шпаны. Куда все сразу делись? Только что смеялись вместе, шутили и вдруг... Будь благодарен тем даум или трем, если таковые оказались, кто не ушел.

— Вы предъявляете к друзьям и, наверное, они к Вам высокие требования. А не проще ли человеку прожить среди приятелей?

— Приятели не спасают от одиночества, одиночество противно человеческой душе, она начинает протестовать, искать выхода.

— Об этом и Ваша последняя работа в Московском театре на Малой Бронной — и как актера, и как режиссера — в пьесе Нила Саймона «Весельчаки»?

— Существует страшная поговорка: «Каждый умирает в одиночку». Категорически не согласен! Ты уходишь, остаешься близкие по духу люди. Спектакль, который я ставил вместе с Константином Худяковым, рассказывает о старых актерах. Долгие годы выступали вместе, потом поссорились, расстались, уверенные, что не встретятся больше никогда. Но время стирает мимолетное, и человек обязательно пожмет протянутую ему руку, даже если когда-то оттолкнул ее. Человек стремится к красоте, а дружба, наверное, одно из самых красивых проявлений человеческого общения.

— А что такое, на Ваш

не раз говорили и писал о том, что у актера обязательно должна быть своя тема в искусстве. Своей темой считаю: протест маленького человека против самого понятия «маленький человек». Человек рожден быть красивым, он не может быть «маленьким», потому что в мире нет ничего выше человека. В пьесе Виктора Розова «Брат Алеша» по мотивам романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» мой герой негодует на бога. Человек вступает в единоборство с богом, борясь за право не быть маленьким.

В человеке есть множество негативных черт, не воспитанных кем-то, а существующих как бы изначально. Вспоминаю, как однажды моя внучка — ей в ту пору было полтора года — что-то уронила на пол. «Подними, пожалуйста», — прошу ее. Отвечает: «Нет». «Но почему? Ты уронила, ты ц подними». — «Нет». Откуда в двухлетнем ребенке это упрямство? Мы начали спорить, я ругал себя за то, что я, сильный, взрослый, не уступаю ребенку. Но я знал: если уступлю, в этом маленьком существе разовьется что-то такое, чему нельзя позволить развиваться.

Добрый человек — тот, кто сумел воспитать в себе доброту и заглушить злобу. Красивый — тот, кто дал развиться красивому.

— Вы участвуете в многочисленных спектаклях — в частности, я имею в виду постановки Анатолия Эфроса, — где дается современная трактовка ряда классических произведений. Не мешают ли своеобраз-